

© 2024 г.

А.Г. ЩЕЛКИН

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ: СУЩНОСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ (ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ)

ЩЕЛКИН Александр Георгиевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (evropa.ru@gmail.com).

Аннотация. Считается, что «смена поколений» характеризует именно «современный» тип социума, а для «традиционного» общества такого феномена не существует. Однако Современность в «современных обществах» совсем не достигается формальной «сменой поколений». Поколения могут меняться, но общество от этого может оставаться далеко не «современным». Самое существование в реальности еще не гарантирует, не «легитимирует» подлинности (социальных) вещей и феноменов. В социуме фактически могут существовать и «вещи», не отвечающие своей подлинности, не соответствующие своему «определению». Пафос онтологической точки зрения – видеть явление как соответствующее/несоответствующее своей сущности, своей природе. Из этого следует социальная семантика такого феномена, как «Современность», которая селекционирует и удерживает подлинность и зрелость в отличие от «девиантностей» и состояний, индифферентных к этой подлинности и зрелости. Поэтому для понимания темы «смена поколений» предлагается онтологический критерий «Современности».

Ключевые слова: смена поколений • онтологический подход • Современность • «значимое поколение» • поколение «синхронистов»

DOI: 10.31857/S0132162524010135

Слово «онтологический» стремительно входит в употребление, и, по признанию М. Хайдеггера, становится очень «модным», но предварительные уточнения по названию статьи не будут лишними. В этой связи хочется упомянуть имя одного советского (!) исследователя, который, как никто другой, способствовал аутентичному пониманию феномена «онтологии», буквально утонувшего в море многочисленных интерпретаций. Речь идет о М.А. Лифшице (1905–1983), который допускал, что «вещи» сами способны наглядно к «самораскрытию» и «самооткровенности». Иначе говоря, всякая «вещь» на вершине своей зрелости информирует нас об «истине» собственной природы и существования. Или, как обычно говорил Лифшиц, «наука широко пользуется откровенностью бытия». Не нужно особой проницательности и эрудированности, чтобы увидеть в подобном подходе следы и влияние философской классики – онтологии Аристотеля, Гегеля, Маркса. Отсюда и подчас забываемый пафос этой научной традиции. Онтология – это учение не просто о БЫТИИ – в нашем социологическом случае – «социальных вещей», но о БЫТИИ ПОДЛИННОМ, опять же ИСТИННОМ. Отсюда и понятное достоинство «онтологической» точки зрения.

В сущности своей, «по своему определению» «социальные вещи» предстают в истинном виде, в реальности – не обязательно. В реальности – они, увы, часто бывают «девиантными», «симулякративными», «виртуальными», «самопародийными» и что там еще...

Большие ожидания. Несмотря на то что образ сменяющих друг друга разных поколений давно стал как бы расхожей картинкой чуть ли ни цивилизационной динамики человеческого общества, тем не менее этот стереотипный образ продолжает скрывать ряд латентных и озадачивающих явлений. Конечно, «традиционное общество» не знает смены поколений, каковой характеризуется жизнь общества «современного» типа. Однако и в этом в последнем, в обществе «современного типа», смена поколений не всегда гарантирует тот же цивилизационный успех социума. Иначе говоря, познавательная парадигма, известная под названием «смена поколений», хотя и обладает достоинством «объяснительной схемы», тем не менее размеры этого когнитивного достоинства несколько преувеличены.

На первый взгляд, подобный тезис может вызвать законное сомнение. Известно, например, что историческая социальная динамика социума давно трактуется именно в формате «смены поколений» (в культурной антропологии это – М. Мид, в социальной философии – Х. Ортега-и-Гассет, собственно в социологии – К. Мангейм, Ш. Эйзенштадт, Т. Шанин и др.). В частности, Т. Шанин в статье «История поколений и поколенческая история» считает, что ключ к пониманию того, как происходит обновление общества, спрятан в категории «поколение»: «поколение и общность осознания им действительности выступают <...> как важнейшие категории исторического процесса и общества как такового» [Шанин, 2005: 25]. При этом более или менее понятно, что авторы при подобном подходе чаще всего стремятся подчеркнуть, что «важнейшие элементы «цивилизации», <...> возможности их трансформации манифестируют себя не сами по себе, не абстрактными «институтами-учреждениями-структурами», а именно «на уровне индивидуумов» [Шанин, 2005: 27], на уровне индивидуальных биографий, на уровне «человеческого материала».

Надо согласиться, что любая современная социальная теория ищет «задающее начало» не только в анонимных, объективных структурах, но в сознании и действиях живых людей. Этой артикуляцией отличается, например, «активистская школа» П. Бурдьё. В этом плане симптоматично звучал ответ (если не упрек) французского студента антропологу-структуралисту Леви-Строссу в памятные майские дни 1968 г.: «Структуры не выходят на улицы!» Одним словом, попытка увидеть в «поколении» то человеческое «агентство», через которое «работает» История и Современность, – такая попытка будет оставаться постоянным соблазном для социолога и историка.

Что предполагает «онтологический подход»? Уже здесь возникают первые недоумения. Да, «структуры» не выходят на улицы. Это делают люди. В нашем случае лучше сказать «субъекты». Но если эти «субъекты» представляют только самих себя и не несут в себе никакой императивности упоминаемых «структур», так сказать, «исторической миссии», «видения потребного будущего», то данные «субъекты» суть в лучшем случае «персонажи повседневности», то есть пребывающие вне значимой социальной и исторической размерности суть «неукорененные» натуры, в худшем варианте – чистые анархисты. Таким образом, в полном соответствии с классической методологией, всякую субстанцию (вещь, феномен) надо действительно брать под знаком её (возможной) субъектности, опять же активности, которая вместе с тем не произвольна, а является выражением «объективного», «субстанционального», как говорил Гегель.

Другими словами, «поколение» как человеческое, субъектное сообщество только в том случае может быть показателем (цивилизационного) «обновления общества», если представляет собой не только самое себя, но и нечто большее. – Это «нечто большее» обозначают по-разному: «Zeitgeist» (Дух времени), поколение, «олицетворяющее зрелость своей эпохи» (Ортега-и-Гассет), поколением, «задающим тон», генерацией «ключевых», «универсальных» интенций. На социологическом наречии этот сущностный подход закрепился сегодня в виде такого выражения, как «значимое поколение». Сообщества людей, не отвечающее этому онтологическому критерию, хотя и существующих совместно

и одновременно (синхронно) с таким «значимым поколением», можно сказать, не подпадают под категорию «поколение». Их можно классифицировать как просто «присутствующие», о которых легендарный Гераклит говорил с характерной аттической остротой: «присутствуя, они отсутствуют», а В. Шкловский в сугубо научной манере называл «синхронистами». Одним словом, этот (онтологический) подход можно резюмировать и так: поколение как некая общность, отражает либо по большей части черты своего времени и так или иначе «работает» на него (время), либо, напротив, оно «случайно», так сказать, «необязательно» для своего времени и ничего не представляет, кроме самой себя.

На фоне постмодернизма. Этой онтологической точке зрения сегодня противостоят довольно модная в недавнее время, но сегодня находящаяся во внутреннем, затянувшимся кризисе концепция *постмодернизма*. По интересующей нас теме «поколения» эти два подхода разительно не совпадают, если вообще не являются антиподами. Онтологическая точка зрения предполагает понимание и соответственно оценку в том смысле: а с чем мы в реальности собственно имеем дело; перед нами человеческое сообщество, отвечающее природе и сущности «поколения», то есть именно «значимое» поколение, выражающее «дух времени» и «требование текущего момента», «угадывающее будущее» и т.д., или перед нами просто «соприсутствующая» группа людей, которую в демографии называют «когортой», то есть которую объединяет простой физический факт рождения и проживания в один и тот же период времени?

«Постмодернистский» подход к феномену «поколение» не страдает такой онтологической (сущностной) требовательностью. Другими словами, постмодернизм освобождает всякий «феномен» от диктата своей сущности, своей «природы», соответствует своему «понятию». Это значит, что уже самый факт существования якобы «легитимирует» всякую вещь как таковую. Подобная позиция вызывала недоуменный вопрос у молодого Маркса: «Разве голый факт существования какого-либо состояния уже даёт право на существование?» [Маркс, Энгельс, 1956: 102]. И это не единственная проблема. С онтологической точки зрения возникает главный вопрос: а что если эта реально существующая вещь (феномен) представляет собой не что иное, как «отклонение» (девиацию) от собственной «сущности», от своей «природы», опять же от «понятия» о самом себе, то есть от «истины» о самой этой вещи/предмете/феномене? В этом случае ответ в постмодернистском стиле звучит незатейливо, но «принципиально»: это де никакое не «отклонение» или «ложное издание» аутентичной вещи, это якобы вообще не то, что может быть оценено в терминах «хуже» или «лучше», это – просто «Другое», просто «Иная вещь».

Это означает, что в постмодернистской картине мира все состояния, которыми представлена та или иная вещь, «равнозначны». В результате такое важнейшее онтологическое приобретение человечества, как «оценка» (оно же деление предметов из внешнего мира по категории «добро» и «недобро»), решительно теряет смысл. Более того, склонность игнорировать оценку приняла в последнее время характер «интеллектуальной эпидемии», так что всякий, кто по старой, классической привычке и выносит «оценочный» вердикт, вынужден тут же стыдливо оправдываться в том духе, что это де всего лишь его *субъективное* «оценочное» суждение, то есть собственное мнение, не претендующее на объективность.

Внешний мир представляется постмодернисту «плюрализмом» уникальных вещей, пребывающих «по ту сторону добра и зла», по-другому говоря, не подпадающих под оценку на предмет «добра» и «зла». И это при том, что еще в совсем недавнюю «эпоху допостмодернизма» добротная мысль К. Ясперса о том, что «понимание же по своей природе всегда связано с оценкой» [Ясперс, 1991: 40], казалась вполне очевидной.

Постмодернистская аллергия к сущностной стороне бытия вещей, и соответственно отражающая интерес только к «фактическому», «явленному», «частному» бытию вещей, привела не только к отрицанию *оценки* как средства объективного (адекватного) понимания мира, но и породила, в первую очередь, пренебрежение такими важными обобщениями, как «роды», «виды», «типы», «категории» и «понятия». И поскольку эти характеристики относятся, скажем еще раз, к сущностному аспекту «единичных», «фактических»,

«реальных» вещей, то постмодернистская мысль не затрудняет себя поисками «всеобщего», «универсального», «соответствия вещи своей природе», а значит, «подлинности» и «истинности» этих реальных вещей. При первых же признаках «девиации» и «несоответствия» постмодернистский ортодокс подстраховывается, можно сказать, уже ставшим «легендарным» аргументом: просто мы якобы имеем дело не с феноменом данного «рода», а с совершенно ДРУГОЙ вещью. Теоретик постмодернистских принципов Ж.-Ф. Лиотар вообще «объявляет беспощадную войну "всеобщему"», чтобы, как уже говорилось, освободить пространство для всех уникальных *локальностей*, а значит, и несравнимых между собой вещей, событий, феноменов. Если же оставить реальность вещей без такой оценки, то есть ограничиться только фиксацией того, что есть, в таком случае упускается из виду *долженствование*, то есть понимание, каким образом вещь (феномен, ситуация и т.д.) должна выглядеть «по сути», «по природе своей». Нечего и говорить, что следование на практике этой постмодернистской парадигме в социуме ведет к очевидным последствиям – подвергаются эрозии сами базовые/онтологические основания такого социума. «Самое большое безумие – это видеть мир таким, какой он есть, не замечая того, каким он должен быть» (Сервантес).

Впрочем, этих отступлений в область собственно онтологии вполне достаточно, чтобы начать в «сущностном» ключе разговор о выбранном предмете, о природе такого явления, как «смена поколений».

Два сценария «смены поколений»: «идеальный» и реальный. Как объективное явление, «смена поколений» имеет свою устойчивость, свою природу/сущность, свою социальную функцию. На эту тему высказана не одна исследовательская точка зрения. Самая общая и очевидная состоит в простом тезисе, что если бы в социуме не происходила «смена поколений», такое общество было бы обречено оставаться равным самому себе, оставаться «традиционным» обществом, где «дети» социализированы в духе «отцов». Отсюда, казалось бы, правильным рассуждением была бы та мысль, что именно «смена поколений» разрушает консервативную устойчивость «традиционного общества» и дает шансы для развития лучших качеств и фазисов человеческого сообщества в лице «общества модерна» в самом широком смысле этого слова. Своеобразной эмблемой такого сценария могли бы быть слова, приписываемые третьему американскому президенту Т. Джефферсону (1743–1826) и полные пафоса Просвещения: отец становится воином, чтобы его сын мог стать фермером, а сын его сына – поэтом. Иначе говоря, в «прогрессистской» формуле Джефферсона изображена «смена поколений», как она могла бы совершаться в «норме», или «идеально». Но реальность, выражаясь избитым языком банальности, не всегда укладывается в такие «онтологические» правильности. Проблема заключена в коварстве самого «прогресса»...

Сюрпризы «цивилизации». Если иметь в виду такую «правильную» парадигму, описанную, точнее, предложенную Т. Джефферсоном, то относительно поколения «воинов» и поколения «фермеров» можно сказать, что они вполне и предельно укоренены в бытии, явственны и, кажется, не допускают двусмысленности. Что же касается «поэтической» духовности «поколения сыновей», такой экзистенциальной прочности здесь не наблюдается. Первое, что приходит на ум, и что реально часто происходит с «духовностью», и что поэтому ей может быть «вменено», – это «декаданс культуры», о котором со злым упоением первым заговорил в конце XIX столетия, как известно, Ф. Ницше («Не дух опасен, а духовность»). «Смена поколений» как таковая еще не гарант надежного маршрута в направлении цивилизационной устойчивости социума. Онтологическая основательность поколений «воинов» и поколений «фермеров» может продолжиться экзистенциальной «расхлябанностью», утратой «воли к жизни», культом «нигилизма» и дионисийской «неосмотрительностью», наблюдаемой в генерации декадентствующих «поэтов» и их «поклонников».

Этот кризис духовности стал чуть ли не сразу объектом критики со стороны известных авторов – Н. Бердяев, В. Розанов, Л. Шестов, М. Гершензон и др. Но нам интересно мнение социолога, чей авторитет говорит сам за себя. Это Питирим Сорокин. Тем более

что среди прочих фигурантов и авторов «культурного кризиса» Сорокин называет и наших соотечественников, которые, по нашей литературной традиции, в категорию «подрывных элементов» социально-культурного порядка не входят. Речь идет о «патологическом крене» в литературе, о том, что героями стали «извращенные и психически нездоровые характеры Хемингуэя и Стейнбека, Чехова и Горького, состоящие из сумасшедших и преступников, лжецов и подлецов, отщепенцев рода человеческого, рассыпанных среди посредственности». «Преступники и детективы нашей “релаксирующей” литературы и “триллеров” как бы созданы для того, чтобы вновь подчеркнуть эту мысль, – утверждает Сорокин. – В области драмы большинство персонажей в произведениях Чехова, Горького и О’Нила психически ненормальные и извращенные отщепенцы или же попросту откровенные преступники, а в лучшем случае – обыкновенные посредственности» [Sorokin, 1950: 198].

В XX в. «культура» в еще большей степени перестала олицетворять «органическое строение капитала» современной цивилизации. В сравнении с рыночно-экономическими и демократически-политическими «добродетелями» очень многие культурные «ценности» современного общества далеко не очевидны. Про сегодняшнюю «культуру» (в простонародии – «культурку») обычно говорят, что она выпустила из рук практически всё, что составляло её репутацию, авторитет и влияние. Достаточно доказательно в социологических терминах об этом говорил Д. Белл («Культурные противоречия капитализма», 1979), равно как на свой лад и другие (К. Лэш. Культура нарциссизма, 1979, Ж. Липовецки. Эра пустоты, 2001). Постмодернистская же «легитимация» культуры и вообще подвергла сегодня многие стороны народной жизни шокирующим испытаниям.

Факт, что за сильным поколением может идти слабое поколение, давно попал в поле зрения многих мыслителей. Почему «цивилизационные» успехи «котцов» не всегда имеют продолжение у «сыновей»? Считается, что чаще всего это связано с «расслабляющим», «обезволюющим», «парниковым» и т.д. эффектом всякой цивилизационной утонченности. О. Шпенглер прогнозировал к 2000 г. знаменитый «Закат Европы», якобы обусловленный, кроме прочего, тем, что мир-цивилизация созревает до очередной деградации каждые 30–40 лет. Столько времени требуется молодому поколению, чтобы беспечно забыть ужасы и варварство, которые сопровождали участие нации в периодической «войне народов». А тот же Ф. Ницше предупреждал, что Европе «эпохи модерна» угрожает «Новый буддизм», то есть духовная расслабленность и отсутствие «воли к власти».

В 1970-е гг. на Западе активно обсуждалась угроза достижения современным обществом такой «сложности» и «запутанности», когда новые поколения теряют к подобному обществу интерес. «Неуправляемая сложность» грозит погружением текущей цивилизации в «Новое Средневековье» (R. Vacca. The Coming Dark Age, Doubleday, 1973). Наиболее впечатляюще эта «пересменка» выглядит в сфере деятельностной мотивации. Например, начавшаяся с пионеров протестантизма («труд как молитва Богу»), она грозит обернуться беспомощностью, эгоизмом и бездуховностью «резидентов» общества «чистого потребления». Надо сказать, что тема грозящего наступления «Нового Средневековья» всегда занимала умы многих философов. Не сводя тему подобной «децивилизации» к одному какому-то аспекту, в этом интеллектуальном ряду отметились Н. Бердяев, П. Сорокин, Х. Ортега-и-Гассет, У. Эко и др.

Характерно, что «цивилизационная» деградация при смене поколений симптоматично выглядит не только на социетальном, но и на «фамильном» (семейном) уровне. В отличие от «нормальности», заключенной в вышеупомянутой джефферсоновской модели, в семейных хрониках, как они представлены в художественной литературе конца XIX – начала XX столетия, смена поколений отмечена знаком болезненной динамики.

Разрыв поколений. После выхода романа Т. Манна «Будденброки. История гибели одного семейства» (1901) появилось устойчивое выражение «динамика Будденброков», которое как раз и описывает поколенческую деградацию когда-то могущественного семейства. Отец-основатель Иоганн Будденброк сделал карьеру на поставках зерна прусской армии. Ганно Будденброк – последний представитель рода, хрупкий молодой

человек, болезненно погруженный в нетрадиционную манерность музыки эпохи декадентства и в этом пресыщении утративший трудолюбие музыкальной культуры.

Своеобразным философским эхом, отражающим этот феномен, представляется обобщение Л. Шестова: «Праздность [...], и именно праздность [...] вольная, сознательная, презиравшая всякий труд праздность, есть характернейшая черта нашего времени, – разумеется, я говорю о высших, обеспеченных классах общества, об аристократии духа» [Шестов, 1971: 35]. В том же духе опять же Л. Толстой в своей характеристике культурной деградации декадентствующего поколения писал: «Чем занимаются?! Чем занимаются?! И это литература? Вокруг виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки»¹ [Имеется в виду стихи И. Северянина «Вонзите штопор в упругость пробки // И взоры женщин не будут робки!». – Прим. А.Щ.].

Конечно, социум, в конце концов, как-то справляется с опасностью, заложенной в «динамике Будденброков», и, в частности, самосохранение «фамильного капитализма» остается существенной чертой современного бизнеса. «В Западной Европе, согласно одному исследованию, 44% из более 5 тыс. фирм в 13 странах находятся под семейным контролем. В списке Fortune-5000 19% находятся под семейным контролем»². Однако как только общество оказывается затронутым структурным и институциональным кризисом, то явление, очень похожее на «динамику Будденброков», становится небезопасным спутником такого социума. В новейшей экономической истории России социологи отмечают факт, когда поколение «детей» уже часто не склонно продолжать удачный бизнес своих родителей. «Уровень потребностей и амбиций у детей в состоятельных семьях в большинстве случаев как минимум на порядок ниже, чем у отцов. В личных беседах только единицы называют в качестве желаемого уровня финансового благополучия уровень, сравнимый с родителями – и для его обеспечения нет необходимости брать на себя ответственность и обязательства, связанные с управлением крупным сложным бизнесом [...] [«Самореализация»] представителей второго поколения капиталов [имеет] мало общего с российским бизнесом их родителей»³.

Какое социологическое резюме напрашивается в аспекте «поколенческого разрыва», наблюдаемого в реалиях XX–XXI столетий?

В любом из них – особенно ницшеанско-шпенглеровском – много правды, как много правды (но не всей) в «законе возрастания энтропии». Но как «закон возрастания энтропии» не действует в «открытых системах», так и упадок цивилизаций до варварского саморазрушения в «открытом» пространстве социума и истории не может быть абсолютизирован, то есть такой концепт не может быть адекватным описанием.

Смена поколений и цивилизационная непрерывность. Вместе с тем если в смене поколений заложена опасность разрыва цивилизационной непрерывности («отцы виноград ели, а у нас оскомины»), то естественный интерес социолога состоит в понимании того, какими возможностями располагает социум, чтобы противостоять подобной опасности. Эта постановка вопроса возвращает нас к теме «онтологической сущности/природы» человеческого поколения.

При такой постановке вопроса легко допустить, что эта сущность и природа всякого поколения сводятся к тому, что любое поколенческое сообщество видит свое собственное человеческое существование не во всякой в среде обитания (*milieu*), а в такой, по поводу которой такие мыслители, как, например, Гегель, всегда употребляют значимое выражение – «чувствовать себя как дома». При этом требование объективности никуда

¹ Эйдельман Д. Два вида пошлости. URL: <https://dzen.ru/a/Xo81myayLQ4OYdAB> (дата обращения: 01.11.2023).

² Климов И. Почему не спешат отдавать своё дело детям. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/pap-daj-milliard-pochemu-biznesmeny-ne-spushat-otdavay-svoe-delo-detyam/> (дата обращения: 01.11.2023).

³ Шпак А., Анищенко А., Мисютин В. Разрыв между поколениями. URL: <https://www.skolkovo.ru/news/razryv-mezhdu-pokoleniyami-2/> (дата обращения: 01.11.2023).

не дается и имеет не менее значимую силу, что буквально должно означать, насколько всякое «новое» поколение отвечает потребностям и задачам социума на его данном историческом этапе? В последнем случае для всякого «поколения» вариантов, собственно, два. Либо в результате «культурного декаданса» поколение «детей» вырождается до неоправданной неадекватности «текущему моменту», и тогда ситуацию «спасают» другие силы, как правило, с характерной установкой на варварскую неприхотливость. Либо поколение «детей», наоборот, поднимается до понимания социальной и исторической «повестки дня» («я ль буду... подражать тебе, изнеженное племя переродившихся славян»), и тогда такое «поколение» сохраняет верность цивилизационному призванию, а сам феномен «смены поколений» получает свой позитивный, онтологический смысл.

В порядке иллюстрации первой «опции» проф. Т. Шанин приводит рассуждения, идущие от Ибн Халдуна (XIV в.), о том, как работает «поколенческая причинность» на Востоке. Конкретно, речь идет о династиях бедуинов, их переходе с воинственного на оседлый образ жизни в завоеванных городах, далее к материальному обогащению и неизбежной утрате воинского духа и последующим завоеванием их новыми пустынными племенами [Шанин, 2005: 20]. В самом общем виде этот сценарий «поколенческой смены» относится к лукрециевской картине мира: «нынче к упадку идут времена».

Неудивительно, что в этом случае встает неслабый парадоксальный вопрос: не является ли упадок цивилизации (децивилизация) обязательным условием последующего возвращения к цивилизации и не слишком ли такой маршрут оказывается рискованным и варварским – ведь децивилизация может оказаться необратимо-затянувшимся, а значит, более устойчивым состоянием, чем цивилизация? И не рождается ли перед лицом такой опасной «перспективы» сверхзадача и супермиссия всякого поколения по предотвращению такой, с позволения сказать, «перспективы». Иначе говоря, если признать, что значительный исторический период общество существует именно в таком негарантированном и незастрахованном состоянии (в терминах У. Бека, это – случай «общества риска»), то спрашивается, не должна ли в дальнейшем «непрерывность цивилизации» обеспечиваться не ожиданием «пользы» от децивилизации и неоварварства, а скорее опорой на «текущее» поколение, точнее, на его внутренние неизрасходованные ресурсы и возможности, на его политическую волю и способность держаться за «онтологический минимум» цивилизованности.

«Юность – это возмездие» (Г. Ибсен). Своеобразной иллюстрацией к этому сценарию континуальности (непрерывности) и самосохранения цивилизации во времени могло бы служить историческое визионерство поколенческой драмы у Александра Блока в поэме «Возмездие» на примере русского общества рубежа XX в. Имея в виду современную европейскую цивилизацию, поэт отказывает Шпенглеру в реализме его модели «Заката Европы». А. Блок видит разрыв «отцов» и «детей» безусловно драматично, но не в духе шпенглеровского фатализма и обреченности. В пределах дуэта «отцы – дети» вина, ответственность и надежда строго дистрибутированы. Речь идет о трагической вине «промотавшихся отцов» перед лицом «обманутых детей» и о «сотиериологической» миссии последних. А. Блок берет за исходный пункт знаменитый ибсеновский приговор, выносимый «юностью» старшему поколению: «Юность – это возмездие». При этом «возмездие», о котором идет речь, свободно от обостренного мщения и зашкаливающего ресентимента. Напряжение «поколенческого разлома» питает энергией решительность и целеустремленность молодости. Поэма писалась в революционно-катастрофические 1910-е гг. Автор, не будучи сторонником плоской «теории прогресса» («растущая во мне ненависть к различным теориям прогресса»), видит не только катастрофу дворянского поколения (с его «культурой сантиментов»), но и – в первую очередь – шанс, когда «последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; [...] готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо истории, которым движется история человечества... Путем катастроф и падений [в России] постепенно освобождаются от русско-дворянского education sentimentale», «уголь превращается в алмаз», Россия – в новую

Америку; в новую, а не старую Америку»⁴. Из этого примера видно, что «разрыв поколений» может протекать не разрушительно, а даже, напротив, продуктивно, если поколение «детей» готово и способно решать коллизии, рожденные этим «разрывом» и одновременно рождающие его. И здесь остается только повторить, что в умении понимать и находить ответы на социальные вызовы собственно и состоит онтологическая природа всякого поколения, будь то генерация «отцов» или «детей».

Не всякое отклонение от цивилизации есть децивилизация. Каждая генерация так или иначе сопричастна своей эпохе. Она не только участник и даже – так бывает – её соиздатель, но и... «жертва» своего времени. Речь идет о том обстоятельстве, о котором «поколение» чаще всего даже и не подозревает: за каждый успех цивилизации приходится платить из арсенала «базисных» накоплений, сделанных на предыдущих этапах. С высоты «развитого», «достойного человека» и т.д. состояния эти «базисные» кондиции кажутся архаическими и несовременными. Тем не менее они представляют собой страховочный материал в случае кризисных и форс-мажорных обстоятельств. Мысль эту можно проиллюстрировать ссылкой на широко распространенный сегодня взгляд на современное общество как общество «постматериальных ценностей». При этом многие из авторов этой концепции вынуждены признать, что «в моменты экономического спада весь социум [...] склонен занимать более материалистическую позицию»⁵. Иначе говоря, во имя самосохранения отступать как бы на шаг назад. Из этого вытекает, что само по себе возвращение к «материалистическим установкам» является не обязательно признаком «децивилизации/варваризации» социума. Наоборот, драма начинается, если поколение «идеалистов» необратимо утрачивает навыки из жизни «материалистической эпохи». Гегель в одном месте симптоматично выразился в том духе, что умение «спускаться к основам» является непременным условием самосохранения всякой человеческой цивилизации.

О субъектности поколения – «между молотом и наковальней». Значение поколения определяется во многом тем, как оно распоряжается своей субъектностью, т.е., как оно артикулирует себя в качестве *агента действия*. Между тем диапазон социального присутствия поколения включает в себя не только и не столько состояние активности, а значит, понимание и навязывание социуму его «потребного будущего», но предполагает и довольно «послушную» роль «объекта воздействия» со стороны обстоятельств и событий, происходящих в обществе. Иначе говоря, это положение «между молотом и наковальней»...

Говорить о полноценной субъектности всякого поколения – значит говорить о том, насколько прочно укоренена и устойчива та или иная генерация в наблюдаемых социальных обстоятельствах. Ответ на этот вопрос несет в себе много неожиданного. Часто бывает, что поколение, которое вроде бы имеет все основание манифестировать себя как «значимое», выражающее «дух времени», ставшее даже «модным» и представленное чуть ли не во всех возрастных когортах, социальных и профессиональных группах, вдруг молниеносно исчезает из пространства Современности. Разве неправильно объяснять это именно слабой укорененностью по сравнению с силами ретроградной традиционности и такой же примордиальности? Примеров много – только один навскидку.

Юрий Тынянов в одном из романов пишет: «На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось; раздался хруст костей у Михайловского манежа – восставшие бежали по телам товарищей – это пытали время, был “большой застенок” (так говорили в эпоху Петра) [...] Лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянущиеся лосинами щек, готовые лопнуть

⁴ Блок А. Автобиография. URL: <https://info.ru/blok/stihi/poemy/vozmezdnie.html> (дата обращения: 01.11.2023).

⁵ Ингелхарт Р. «Мир становится более безопасным». URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/20/values/> (дата обращения: 01.11.2023).

жилами. Жилы были жандармскими кантами северной небесной голубизны, и остзейская немота Бенкендорфа стала небом Петербурга»⁶. Это про молниеносный разгром декабристов на Сенатской площади. И не только на Сенатской площади. Поколение декабристов перестало существовать для общества. И они приняли это как свой фатум. Остается только добавить, что это произошло как раз на фоне того, что эпоха реформаторско-декабристского движения началась задолго до 1825 года, чуть ли не по инициативе Александра I («Интимный кабинет», куда император пригласил видных реформаторов своего времени), а «тайные общества» были никакими не «тайными», а скорее популярными «дискуссионными клубами». Но оказалось, что указанной укорененности и необратимости «поколение декабристов» и близко не достигло: «на очень холодной площади в декабре 1825 года перестали существовать люди двадцатых годов».

И наоборот: когда государственная власть заинтересована в вовлечении молодого поколения в сферу своих планов, то быстро находятся и возможности организационного «упрочения» этой молодежи в качестве удобного исполнительного элемента. Поприщем таких молодежных союзов могут быть разные площадки: спортивные – например, очень популярный в свое время гимнастический союз «Сокольское общество» с заметной панславянской ориентацией; спортивно-военизированные – скауты; собственно, политизированные – пионеры, комсомол, гитлерюгенд и проч.; религиозные – к примеру, YMCA (Young Men's Christian Association). Именно такой способ социального «укоренения» молодого поколения (не без помощи государственного патронажа) был рассмотрен Ш. Эйзенштадтом в работе «От поколения к поколению» (1956).

Почему надо говорить не только о «разрыве», но и «интеграции» поколений? «Легендарная» М. Мид была протагонистом «перспективной» (устремленной в будущее) модели поколения, когда старшие поколения учатся у младших. Известно, что знаменитый культурный антрополог стала жертвой собственного увлечения, чуть ли неумышленно приписав традиционному укладу племен Самоа 1920-х гг. либерально-современные черты сексуального поведения. Под углом прорыва в будущее поколенческий конфликт часто так и рассматривается. Американский социолог Л. Фойер [Feuer, 1969] считает, что данный конфликт «является универсальной темой человеческой истории. Он основывается на самых изначальных чертах человеческой природы и является, может быть, даже более важной движущей силой, чем человеческая борьба [...] История всех до сих пор существовавших обществ есть история борьбы между поколениями» (цит. по: [Игнатова, 2005]).

Однако выпячивание лидирующей роли молодежи в «перспективной» модели едва ли релеативно даже для «современного» общества. Достаточно вспомнить дискуссию Ю. Левады и В. Ядова с Т. Шаниным на эту тему, где позиция первых выглядела заметно предпочтительней. В этом же смысле можно напомнить вышеприведенные аргументы в пользу того, что *активная*, то есть *субъектная* позиция молодежи – вещь очень проблематичная, особенно в недемократических странах, когда дело касается молодежного самоутверждения в сфере власти и гражданских свобод. Здесь наблюдается доминирование старшего поколения, с одной стороны, и конформизм – с другой.

Кроме этих эмпирических свидетельств есть фундаментально-онтологические причины говорить не только об экзистенциальных последствиях «разрыва поколений», но и о необходимости преодоления этого разрыва и ценности «преемственности» смежных поколений. Если у К. Мангейма теория поколений, которая строится на базе концепта и заботы о «единстве поколений» (для чего автор много рассуждает о «социализации» подрастающего поколения), кажется мотивированной «идеологически», то в дальнейшем о «преемственности поколений» говорят и в более трезвых и не лишенных гуманности терминах. В частности, обращает на себя внимание концепция «межпоколенческой справедливости». Речь идет о том, что социально-экономические и экологические

⁶С. 19. Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара. М.: Правда, 1984.

возможности для будущих поколений должны быть как минимум такими, как и у теперешнего поколения⁷.

В эпоху, когда человеческая цивилизация подвергается испытанию на прочность в противостоянии сайентизации (цифровизации) и просто варваризации и антикультуре, именно забота о сохранении и преемственности цивилизационных и человеческих достоинств в культурном арсенале всякого следующего поколения, – именно это старание и составляет один из главных мотивов «диалога поколений».

Надо сказать, что сегодняшние тревоги такого рода небеспреседентны. И. Тургенев, задавший формат «Отцы и дети», представлял «разрыв» поколений достаточно пронизательно, а именно тоже под этим углом. Главное состояло не в преимуществах от обладания «нового», естественно-научного знания у «современного» ему поколения и дефиците этого «знания» у «отцов». Речь шла, конечно, о другом. Речь шла о присутствии «сентиментализма», «романтизма», «культурности», в конце концов, у старших и отсутствии такового у младших. Для русского писателя именно культура была «содержанием». В этом и был свой глубокий смысл, и Тургенев переживал утрату этого «содержания» в лагере «нового» поколения. Он выразил дихотомию «отцов» и «детей» следующим эпиграфом: «Отцы – содержание без силы [«знание – сила». – Прим. А.Щ.], дети – сила без содержания». Правда, в текст романа этот эпиграф не вошел.

Резюме. Онтологический смысл понятия «новое поколение». Было уже сказано, что поколение становится «новым» не потому, что оно чем-то отличается от «старого». Такие отличия всегда будут («Бог леса не ровнял»). Онтологически и принципиально важно, чтобы ОТЛИЧИЕ было *сущностным*, а это значит, что «новизна» поколения измерялась тем, насколько данная популяция соответствует сущности, или определению понятия «поколение». В противном случае перед нами действительно *просто другое* поколение. И имя им (этим «другим») миллион. Поэтому социология, которая тешит свое профессиональное самолюбие гордостью за то, что открыла в предмете «новое», а точнее, то, что раньше не присутствовало в реальности, – такая социология обречена на «дурную бесконечность» такой «новизны», таких «различий».

Подлинная новизна и значимость поколения обнаруживается там и тогда, где и когда «поколение детей» справляется со своей социальной функцией, призванием, судьбой, миссией и т.д. Чаще же всего любое конкретное, эмпирическое поколение само ограничено и жестко детерминировано материальными обстоятельствами, что делает его подчас неспособным к своей «миссии», к реализации своей «природы». Уточним почему.

Орудие человека – это его сознание. Сознание, как известно, слишком интенционально, то есть непосредственно устремлено на объект, чтобы свободно и творчески «смотреть по сторонам». Если сознание (поколения) «зацепилось» за *ближайшее* окружение, а тем более еще и детерминировано им, то панорамное, периферийное, а паче, футурологическое (оно же рефлексивное) видение не доступно такому сознанию.

Поэтому поколению с подобным ограниченным умственным кругозором не доступно понимание того, что сущностно *не хватает* социуму, и выразителем этого дефицита и нужды могло бы быть «значимое» поколение. И «значимо» оно потому, что смотрит на сложившуюся ситуацию как бы «из будущего». Понимать такие вещи – профессиональная обязанность социолога, берущегося за тему «поколения». Именно такое понимание возможностей и природы человеческого сознания демонстрировал и оставил нам М. Лифшиц, как это можно видеть в его последнем труде «Диалог с Эвальдом Ильенковым» [Лифшиц, 2003].

⁷ Межпоколенческая справедливость. URL: http://samlib.ru/s/shaweko_n_a/lekcija6mezhpokolencheskajasprawedliwostx.shtml (дата обращения: 01.11.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Игнатова Т.В. Преемственность и конфликт поколений // Образование и общество: науч., информ.-аналит. журн. 2005. № 3. URL: http://www.jeducation.ru/3_2005/100.html (дата обращения: 06.06.2016).
- Лифшиц М. Диалог с Эвальдом Ильенковым. М.: Прогресс – Традиция, 2003.
- Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: ИПЛ, 1956.
- Шанин Т. История поколений и поколенческая история. Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: НЛО, 2005.
- Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Париж: YMCA-PRESS, 1971.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М: Политиздат, 1991
- Feuer L.S. The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements. Basic Books, 1969.
- Sorokin P. Altruistic Love. Boston: The Beacon Press, 1950.

Статья поступила: 27.11.23. Принята к публикации: 11.12.23.

CHANGE OF GENERATIONS: ESSENCE AND REALITY (ONTOLOGICAL POINT OF VIEW)

SHCHELKIN A.G.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Alexander G. SHCHELKIN, Dr. Sci. (Philos.), Prof., leading researcher of the Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (evropa.ru@gmail.com).

Abstract. The ontological interpretation of the phenomenon of “changing generations” is fundamentally different from the current understanding of “change of generations”. The ontological approach presupposes an answer to the most important question: to what extent does the “generation” represented in reality correspond to its “nature”, its “essence”, its “definition”. Hence, until recently, we observed precisely the “qualitative”, “essential” classification of generations – “lost generation”, “great generation”, “silent generation”, “baby boomers”, “Buddenbrooks dynamics”, “Jefferson formula”. Today’s anonymous numbering of generations is X, Y, Z, Alfa, Beta, Gamma etc. – does not imply such a goal. Today’s (postmodern) vision is focused rather on the “digital-centricity” and “computer competence/familiarity” of new generations. From an ontological point of view, it is important to see to what extent in reality this or that generation reflects not so much itself as the “spirit of the times”, to what extent it is a “significant generation”, expresses a “needed future”, to what extent it contains the social pathos of “solidarism”, “humanitarian” and “civilizational” characteristics of human society. The “mental crisis” may be that the acquisition of “digital virtues” will be purchased at the price of an unacceptable ontological loss. “Homo non vult esse nisi homo.” – A person does not want to be anything other than a person (Nikolai Kuzansky). Ontological “definition” in this sense seems to hold every social “thing” in its “essential”, “programmatic” certainty. The conclusion suggests itself. An ontological view of the phenomenon of “new generations” can play the role of “methodological resistance” to the “digital reductionism” into which the human existence of “new” generations can easily plunge.

Keywords: generational change, ontology, “significant generation”, postmodern, “spirit of the times”, “synchronists”.

REFERENCES

- Feuer L.S. (1969) *The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements*. Basic Books.
- Ignatova T.V. (2005) Continuity and conflict of generations. *Obrazovaniye i obshchestvo: nauch., inform.-analit. zhurn.* [Education and society: scientific, information and analytical journal]. No. 3. URL: http://www.jeducation.ru/3_2005/100.html (accessed 06.06.2016). (In Russ.)
- Jaspers K. (1991) *Smysl i naznacheniyе istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Lifshits M. (2003) *Dialogue with Evald Ilyenkov*. Moscow: Progress – Traditsiya. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1956) *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. Moscow: IPL. (In Russ.)
- Shanin T. (2005) *History of generations and generational history. Fathers and Sons. Generational analysis of modern Russia*. Comp. by Yu. Levada, T. Shanin. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Shestov L. (1971) *Apofeoz bespochvennosti* [Apotheosis of groundlessness]. Paris: YMCA-PRESS. (In Russ.)
- Sorokin P. (1950) *Altruistic Love*. Boston: The Beacon Press.

Received: 27.11.23. Accepted: 11.12.23.